

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ, ИЛИ САГА О СОВЕТСКИХ ЖУРНАЛИСТАХ

ЛЕЙЛА КУШЕНОВА

16+

Лейла Кушенова
Песочные часы, или Сага
о советских журналистах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63736201

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98987-0

Аннотация

Увлекательный лирический роман о журналистах-шестидесятниках, описывающий события расцвета СССР в шестидесятых и идеологического краха "восьмидесятых". История трех друзей, не предавших себя и друг друга на длинном пути, по которому они шли с наивной верой в торжество добра. Книга будет интересна всем, кто жил в стране советов и перенес страсти той эпохи. В забавных историях читатель увидит себя и вспомнит добрые времена, когда на завтрак вместо бенедикта мы дружно ели белый батон со сливочным маслом, посыпанный сахарным песком, газировка сама лилась в граненые стаканы в городских автоматах прямо на улице, а мороженое продавалось в вафельных стаканчиках. Вспомнили?

Содержание

Друзья	5
Стучат! Откройте дверь!	10
Дети войны	15
Чунга-Чанга весело поет!	20
Я другой такой страны не знаю, где так счастлив был бы человек	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лейла Кушенова

Песочные часы, или Сага о советских журналистах

Посвящается моим родителям, журналистам-шестидесятникам, Гарифулле Кушенову и Алмагуль Умирбековой. Люблю вас, живите долго и счастливо на радость нам, вашим детям и внукам

Друзья

Друг – он кто? Человек, который делит с тобой твои радости? Или человек, который делит твои горести? Честно, не знаю. Бывает, что друг, который всегда с тобой, когда тебе очень плохо, вдруг исчезает, когда тебе очень хорошо. Зависть? Возможно. Бывает и наоборот – бывший друг вдруг пропадает, когда тебе плохо. Страх заразиться твоей неудачей? Возможно. В нашей сегодняшней жизни все сценарии возможны.

У поколения моих родителей, детей войны, понятие дружбы не зависело от радостей и горестей, в которых пребывали их близкие друзья. Все было общим, и радости, и горести. Делить было нечего. Для них друг – это тот школьный товарищ, с которым делишь последний кусок хлеба по дороге из школы домой. Тот сосед по общежитию, что всегда ждет, когда тебе пришлют из аула посылку с аппетитным «казы» (копченое мясо), аромат которого покоряет студенческие коридоры в одну минуту.

Понятие дружбы раньше, как мне кажется, было совсем другим. Сейчас дружат по интересам, внутри целевых групп, взвешивая кошельки дружащих, измеряя амбиции... Это не плохо, и не хорошо. Тогда же, в шестидесятые – ну, чем можно было похвастаться друг перед другом, чтобы казаться лучше? Лишней хрустальной вазой? Чешским гарнитуром?

Нет, понятие дружбы среди «целевой группы» моих родителей было иным. Они умели дружить, наши родители, в силу бескорыстия того времени. Не было корысти. Люди приходили на помощь друг к другу в любое время дня и ночи. Да и сейчас, я скажу, в их окружении ничего не изменилось.

Они умели дружить.

Жили-были три друга – Гарик, Алик и Радик. Встретились они в живописной Алма-Ате, когда все трое приехали покорять журналистскую Музу. Им-то и предстояло жить в унисон со своей страной, вдохновенно освещая события почти трех десятилетий. Их объединяла та самая «таинственная страсть», о которой писал Василий Аксенов в одноименном романе. Таинственная страсть журналистов-шестидесятников.

Гарик, Алик и Радик были очень разными. Гарик – вспыльчивый, остро реагирующий на действительность, ранимый и тонкий. Поэт, одним словом. Вокруг него в университете ходили легенды: протеже великого казахского писателя Таира Жарокова, победитель республиканского конкурса молодых поэтов. Стихи Гарика разлетались по студенческому корпусу и многочисленным общежитиям мгновенно. Девушки, зачитываясь, восторженно мечтали, а парни уважали и самую малость завидовали. Между собой студенты поговаривали: «Если начистоту, то Гарик – поэт от Бога!».

Алик вырос в деревне в простой казахской семье на юге Казахстана. В отличие от Гарика, он был уравновешенным

и спокойным. Его невозможно было вывести из себя. Алик уверенными семимильными шагами шел к своей цели со школьной скамьи и никогда не сомневался в том, что все у него получится. Рядом с Аликом всегда было надежно и уютно. Гарик и Алик познакомились в первый же день учебы в студенческой аудитории, когда шла переключка. Оба вскочили с места, удивившись сходству пути, приведшего их в столичный университет. Шофер? Шофер! Производственник? Производственник! Из аула? Из аула! Так и остались навсегда вместе, понимая друг друга с полуслова. Обоих объединяла яркая харизма, острое слово и идеологическая чистота.

Третий, Радик, – казах из города Павлодара, расположенного на северо-востоке Казахстана. Интеллигент с тонким чувством юмора и смеющимися глазами. Грациозный, аристократичный, стремительный, Радик был похож на героя Олега Меньшикова в «Покровских воротах».

Как соединились пути двух тертых деревенских казахов и экзальтированного эстета с факультета русской журналистики? А дело обстояло просто. Радик с детства мечтал говорить на родном языке! В павлодарской школе казахский в те времена не преподавали, и обучиться было негде. Уже в Алма-Ате студент Радик отправился прямиком в деканат и потребовал поселить его в общежитие, где проживали студенты факультета казахской филологии. Так он угодил в комнату Гарика и Алика. Радик впоследствии стал большим ученым, автором философских трактатов, в том числе и на чи-

стейшем казахском языке, которому научился у своих студенческих друзей.

Знаменитая в университете «тройка» напоминала друзей из сериала «Friends», такие друзья по душевному состоянию. Всегда искали друг друга. Всю жизнь. У Гарика, Алика и Радика на троих родилось шесть сыновей и две дочки. Друзья весело дарили имена детишкам друг друга. Мне, дочке Гарика, имя дал Алик. Кстати, здорово мне услужил тогда, потому что папа-то хотел назвать меня Олимпиадой в честь Токийской Олимпиады 1964 года. Или, на крайний случай, Октябриной по месяцу моего рождения. Когда родился сын у Радика, мальчика единогласно нарекли Тимуром, ведь все трое были фанатами футбольного клуба «Кайрат» и знаменитого вратаря Тимура Сегизбаева. Потом уже пошли по второму кругу, весело продолжая сложившуюся «именную» традицию.

Радик ушел очень рано, когда ему было всего сорок лет. Еще в университете он переболел желтухой, и студенческая болезнь его не пощадила. Последний раз друзья встретились в санатории, расположенном в местечке поз названием «Чу». На въезде на территорию поселка висела надпись «Шу-Чу». «Шу» – казахское название того поселка. Друзья смеялись тогда, что на самом деле Радик, в своей обычной манере, все и не болеет, а просто так разыгрывает друзей.

Уже уезжая, Гарик и Алик спросили Радика: «Что ты хочешь? Мы все сделаем!». «Жить хочу», – ответил Радик, ве-

село подмигнув друзьям. Через несколько недель Радика не стало.

Стучат! Откройте дверь!

Представьте себе песочные часы. Через тонюсенькое узкое отверстие посередине, которое символично отделяет прошлое от будущего, сыплется и сыплется песочек. Будущее потихоньку превращается в прошлое, а малюсенькое отверстие посерединке – это и есть тот день, в котором мы здесь и сейчас. Сколько же судеб, жизней, эпох, взлетов и падений вместило в себя крошечное пограничное пространство песочного механизма...

Песочные часы Гарика, Алика и Радика «тикали» в унисон. Студенческие годы пролетели быстро, весело и беззаботно. И вот уже позади университетская скамья, а впереди романтика журналистики «шестидесятых». Великие лирики своего времени. Получив свои красненькие дипломы, отправились наши герои, как в той песне, один на запад, другой на юг, а третий остался в Алма-Ате. Все трое были полны оптимизма и отчаянной радости от того, что вот уже скоро начнется настоящая профессиональная журналистика! В голове полно идей, а в сердце – счастливого поэтического огня.

Все мы в свои 25 лет думали, что мир ждет нас с распростертыми «объятиями», стоит только «приоткрыть» заветную «дверцу»! Вот очередная судьбоносная «дверь» распахнулась, а там – новый мир и новые люди. И все они как будто бы должны были ждать вас с нетерпением.

Так было и с нашими героями. Осенью 1964 года молоденькие вчерашние студенты, Гарик и Алик, с «краснеющими» дипломами в кармане, одурманенные студенческой славой и легендарной верой в них со стороны знаменитого профессорского состава главного университета страны, вернулись на свои малые родины поднимать областную журналистику на новые идеологические высоты.

Курс, на котором учились Гарик и Алик, был особенным. Сплошь будущие именитые поэты, писатели, публицисты, философы. Но только Гарик и Алик договорились с самого начала, что они будут самыми настоящими журналистами, теми, кто окажется в самом сердце журналистики, и будет служить «Ее Величеству» – газете.

О, тогда газеты были основным и главным средством массовой информации. Не было социальных сетей и цифрового телевидения. Друзья попали в самое «пекло» журналистских будней. Теперь рабочий день бывших беспечных студентов начинался засветло, когда еще верстался свежий газетный номер перед сдачей в тираж.

Пока народ спал, советские типографские станки печатали очередной выпуск тысячными и миллионными тиражами. Газеты вылетали из грохочущего печатного станка как «горячие пирожки». Когда советский человек ел утренний бутерброд с колбасой, запивая его горячим чаем, курьеры уже доставляли свежий номер газеты в киоски «Союзпечати». Обычным утренним ритуалом советского человека была

дорога до работы в автобусе или метро, где люди, запасшись печатным материалом, жадно глотали советские новости со страниц периодической печати.

Газета для советского человека была интернетом и «ютюбом» одновременно. Здесь изобличали взяточников, браконьеров и тунеядцев. Газета была информационным каналом, в котором люди получали свою энергетическую подпитку. Встречаясь на улице, советские люди спрашивали друг друга: «Видел? Читал? Ну как тебе последняя новость?».

Пока наши друзья устало поедали вечерний горячий ужин, приготовленный заботливыми жёнами, свёрстанный номер уже готовился к своей новой жизни. Типографии работали по ночам. Если запускалась ракета в космос или случалась другая не менее важная новость, требующая немедленного освещения, журналистов будили ночным звонком телефона. Это означало, что номер необходимо переверстать, изменив содержание первой страницы. Все вовлечённые сотрудники срочно вызывались в редакцию.

Газеты были черно-белыми. Жизнь каждого номера была короткой, всего 24 часа. Потом номер уходил в вечность, теряя свою идеологическую ценность ровно через сутки, когда выходил следующий наступающий на пятки свежий «соперник». Дальше отслуживший свою идеологическую службу газетный номер служил советским хозяйкам и продавцам в качестве упаковочной бумаги. Старые газеты использовали и в качестве туалетной бумаги, так как туалетная бумага

по каким-то причинам в стране советов была жутким дефицитом.

Цейтнот жизни советского журналиста я наблюдала по графику Гарика. Всегда напряженный, озадаченный, молчаливый, всегда в себе, готовый к идеологическим сюрпризам, взлетам и падениям. Советский журналист – это как солдат на передовой. Он всегда узнает все первым, и удар принимает первым.

Помню, как Гарик устало приходил на обед, выпивал чашку-две горячего крепкого чая с молоком и спал на жестком советском диване ровно 20 минут. Точно, как знаменитый Штирлиц в советском сериале «Семнадцать мгновений весны». Мне он даже напоминал Штирлица. Гарик имел такую же осанку, был таким же подтянутым, сдержанным и немногословным. Так и казалось, что сейчас появится какой-нибудь Мюллер и строго скажет: «А Вас, Штирлиц, я попрошу остаться!».

Каково было жить в этом 24-часовом идеологическом цейтноте и напряжении? У них, советских журналистов, не было отпуска, не было выходных, они мало времени проводили с семьёй, у них не было хобби и развлечений. Все заменяла Ее величество «Газета», как ревнивая женщина, требующая ежеминутного внимания.

Говорят, телетайпы того времени буквально закипали от накала страстей и эмоций. А журналисты сгорали за печатным станком, ночами верстая материалы в утренний номер

газеты, засыпая на бесконечных планерках, а потом завороченно наблюдая за узенькой телетайпной лентой, таившей в себе новые и новые исторические повороты.

Советский журналист, как служитель идеологического фронта страны, должен был иметь, по-моему, военный ранг. Если бы было так, то Гарику, Алику и Радику наверняка было бы присвоен ранг генералиссимусов.

Дети войны

В «шестидесятых» поколение детей, родившихся до и во время войны, выросло, им уже по «20+». Они пережили голод, потерю родителей, учебу при керосиновой лампе. Они помнят, как в детстве зарывали хлеб в землю по дороге в школу, чтобы поесть на обратном пути, потому что хлеб имел большие риски быть съеденным еще в школе. Они выросли без родительской ласки, исключительно благодаря поддержке Вселенной.

Эти дети не встречали новогодние праздники с зажженной елочкой, не кричали на детских праздниках «Снегурочка!», не ждали подарков и не писали письма Деду Морозу. У них не было айпадов и сотовых телефонов, у них и ботинок-то не было, а только прохудившиеся валенки, и то в лучшем случае. Гарик рассказывал, что, бывало, на босую ногу детки подвязывали веревками куски кошмы и топали десятки километров по снежной дороге в школу. Когда уже затемно они возвращались домой, их не ждал ароматный перетертый супчик и куриные котлетки. Они ели чёрствый хлеб, пили воду и делали уроки при едва живой керосиновой лампе.

Эти дети, дети войны, уже родились в тревоге в утробах тревожных матерей, которые сами задыхались в том самом «часовом» узком отверстии, отделявшим прошлое от будущего в тщетной надежде накормить всегда голодных детей.

Других радостей и надежд не было. Вечно усталые мамы детей, появившихся на свет в конце тридцатых и начале сороковых прошлого века, не знали роскоши шелковых платьев, а их ножки не натирали узкие туфли-лодочки.

Дети войны... Какие у них были радости? И были ли? Хотя не знаю. Может быть, это как раз мы не умеем радоваться еде, одежде, свету, солнцу, миру, теплоте одеяла, сытному ужину, запахам свежего хлеба и соленого сыра. Трудно сказать. Разные нам достались «песочные часы». И «песок» в них насыпан разный.

Радости у нас тоже разные. Детишки сегодня, каждый второй, с айфоном. Вот в коляске недавно рожденный ребенок покорно смотрит «Машу и Медведи», чтобы не отвлекать молоденькую маму от Инстаграмма. Мир перевернулся в своих «радостях». Такие разные «песочные часы» достались нам от Всевышнего...

В моих детских «часах», к примеру, были германские говорящие куклы и пухлые пупсики, молочный коктейль из кафе «Марина», огромные, как мне тогда казалось, конусообразные емкости, выдававшие густые соки: томатный, вишневый и березовый. В томатный обязательно подсыпали соль маленькой чайной ложечкой из стоящего рядом граненого советского стакана.

Еще помню автоматы с газированной водой, которые стояли прямо на городских улицах. Огромные очереди к мороженщице на жару. Когда очередь наконец-то доходила до те-

бя, то от жадности ты просил вместить в малюсенький вафельный стаканчик аж 200 граммов вкуснейшего советского пломбира. Этажи драгоценного мороженого стекали по вафельным бокам, грозясь развалиться, и лопать его приходилось очень быстро.

Ах, да, совсем забыла про эфиопские финики, бисквитное пирожное, нарезанное аккуратными прямоугольниками, покрытыми роскошной розовой глазурью. А цветные яйца на пасху, свежие огурцы, которые были редкостью, сладкие подарки на Новый год от партийных родителей? Категория «партийный» означала наличие в подарках заморских деликатесов – апельсинов, к примеру. Ярко-оранжевые апельсины с плотными лоснящимися боками были неслыханной радостью. Я по праву старшей всегда их пересчитывала и делила поровну с младшим братом. Пока он «хлопал ушами», я съедала свою половину и потихоньку приватизировала его долю.

«Песочные часы» современных малышей до отказа набиты гаджетами, индивидуальными заказными днями рождения, Санта Клаусами и эльфами вместо Деда Мороза и его верной Снегурочки из нашего детства. Я наблюдаю в социальных сетях, как изо всех сил стараются родители, организовывая детишкам тематические праздники и дни рождения. Как-то в ленте видела, как к детям приехал наемный Санта на санях, а они, лениво зевая, ждали уже заказанных заранее подарков. Нужно очень постараться, чтобы эти детки удив-

лялись и радовались милым пустякам, жаль.

А вот «песочные часики» наших друзей Гарика, Алика и Радика... Заглянем, что же там? А там – кукурузная мука и горячая лепешка, коровье парное молоко, печеная свекла и самый настоящий попкорн из кукурузы с поля на заднем дворе, деревянные санки, первая бумажная тетрадка, керосиновая лампа и... Нетерпеливое ожидание утра, чтобы босиком бежать в школу, где такие же детки собираются утром у печки, чтобы согреть обмороженные в снежной дороге ноги. Редкие встречи с мамами, работавшими в тылу на нужды фронта. Затертые фуфайки и валенки, затвердевшая лепешка, белый снег, яркое солнце, крыши домов в родном ауле, запах кизяка, полыни и еще чего-то, очень знакомого и терпкого...

«Шестидесятники» умели и умеют радоваться любой мелочи. Такая вот уникальная у них способность, особенная закалка. Этому они научились в те темные военные и послевоенные времена, когда при свете керосиновых ламп записывали под диктовку усталого учителя свои первые буквы и слова. А потом в студенческие годы, когда на первую стипендию можно было сходить в столовую и заказать винегрет с плоской советской котлетой, а из одного куса ситца можно было нашить платьев на всех девчонок в общежитии, а еще когда ходили в кино, и девушки застенчиво надеялись, что у парней в кармане найдется немного денег, чтобы угостить их газировкой, беляшами на Никольском рынке и пломби-

ром в бумажном стаканчике! Удивительные «песочные часы» им достались от Вселенной, главное свойство которых – не переставать ждать сюрпризов от неба и радоваться каждой «песчинке» в каждом новом дне.

Чунга-Чанга весело поет!

«Шестидесятые» – это мои «детсадовские» годы. Я ходила в детский садик, который назывался «Солнышко». Детский сад для советских детей был невероятным приключением! Нас учили танцам, хоровому пению, мы играли в «скакалки» и старательно готовились к праздничным «утренникам». Нам шили красивые костюмы снежинок, королев и зайчиков в детсадовском ателье. Мерки снимали с каждого. А еще мы закапывали в землю стеклянные камешки, и у каждого уважающего себя ребенка был собственноручно зарытый «клад».

Кормили нас манной кашей, которую все дружно ненавидели, котлетами с картофельным пюре, которые все также дружно любили. Когда я болела и не ходила в садик, всегда просила приготовить мне «детсадовские» котлеты с самым настоящим (без комочков) картофельным пюре, и это была награда за мое простуженное горло.

Рядом с садиком находился магазинчик игрушек под названием «Валентина». Там продавали маленьких пластмассовых пупсиков. Стоили они 1 рубль. Если просишь рубль у мамы, то «ясен пень» – в «Валентину» поступила очередная «пупсиковая» партия. А потом мы своими детскими ручками мастерили для куколок платья, юбки, шляпы и блузки. В ход шли остатки капронового тюля и шелковые лоскутки.

Это были наши советские LOLs.

Каждый ребенок в моем советском детстве, играя во дворе, носил на шее тяжелый железный ключ, который нельзя было потерять ни в коем случае. Это ключ от квартиры. Наши родители всегда были где-то не дома, на работе или в гостях. Тогда же не было увеселительных заведений, кафе и ресторанов, катков и лыжных курортов, кальянных и бильярдных. Вот молодые журналисты, которым едва за 30, и ходили друг к другу в гости, весело варили мясо, присланное родственниками из аула (казахское село), крутили пластинки на старом патефоне, дарили друг другу серебряные ложки, катались со снежных гор, сбивая по дороге на санках своих же детишек, крутили нам мультики на диафильмах и виниловые пластинки с детскими песнями, чтобы мы не отвлекали их от шумных посиделок.

Черные блестящие пластинки крутили на советских радиолах, которые были в каждом журналистском доме. Помню «Оранжевое небо», «Пусть всегда будет мама», про плохого начальника и папу, про таракана за стеной и Чунга Чангу. «Чунга Чанга весело живет!» – несло откуда-то из недр винила, и я каждый раз представляла себе этого веселого балбеса, который живет на далеком чудесном острове, где всегда тепло и солнечно...

Веселое было время тогда у вчерашних студентов Гарика, Алика и Радика, советских журналистов-шестидесятников. Они танцевали вальс и твист, свистели и заливисто хохотали.

ли, выживая в условиях жесточайшего идеологического давления как со стороны своей страны, так и со стороны Запада.

Конец «шестидесятых» – это гибель Гагарина, ввод советских войск в Чехословакию, первый в мире выход советского космонавта в космос и высадка американского астронавта на Луну, введение пятидневной рабочей недели, первый бытовой магнитофон и скоростной сверхзвуковой пассажирский самолет.

В те далекие «шестидесятые» планета просто «кишела» политическими событиями самого разного масштаба: создавались новые страны, запускались ракеты и спутники, заключались и разрывались дипломатические отношения, гремели Карибский и другие кризисы.

Небольшая в масштабах страны уральская газета, в которой работал Гарик, не сдавалась и справлялась с цейтнотом моментального освещения событий страны и мира. Цифровой техники тогда не было, не было факсов, компьютеров, айфонов и скайпов. Была только тонюсенькая телетайпная лента, вмещавшая в себя бешенство событийного медиа рынка конца шестидесятых.

Журналисты писали денно и ночно на русском и казахском языках. Идеология диктовала темпы медиа пространства. События требовали не только наблюдательного освещения, но и тонкой идеологической обработки, аналитики и осмысления. Необходимо было балансировать и выживать в условиях холодной войны и политической атаки Запада.

Журналисты-шестидесятники – молодые и амбициозные герои, которым удалось сдержать и балансировать расшатанное медийное пространство планеты. Благодаря им заключались мирные договоры и пакты о ненападении, они отвечали за мирные мысли жителей СССР, вселяя в нас, своих детей, задор и амбиции на всю оставшуюся жизнь.

Мы шли в школу в повязанных в тугий узел красных галстуках и ежедневно по утрам перед уроками рапортовали своей школьной пионерской дружине. Как сейчас помню клич: «Будь готов!». И дружный многоголосый ответ: «Всегда готов!».

Сейчас, когда смотрю на своих сверстников, тех, кто помнит красные галстуки и устав ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи), понимаю, что нас объединяет. Мудрость и терпимость, сдержанность и разумность, а еще – потрясающая грамотность. Призыв быть готовым ко всему, что тебе уготовано судьбой, стал нашим жизненным девизом. Мы всегда держим удар, потому что мы дети наших родителей, оптимистов и идеалистов.

**Я другой такой страны не знаю,
где так счастлив был бы человек**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.